

УДК 81.26

ЛЯГУШКИНА Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Автор 58 научных публикаций

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена описанию особенностей перевода ряда синтаксических конструкций и стилистически маркированных единиц. Особое внимание уделяется важности учета при переводе культурного фактора.

Ключевые слова: культурный фактор, фрон, антонимический перевод, ритм, рифма, каламбур, псевдовопросы, безличные предложения.

Современный этап развития науки о переводе ознаменован осознанием того, что сущность переводческой деятельности заключается не только в сугубо лингвистической операции, но и в обязательной опоре на культурный фактор.

Рассмотрим явления, доказывающие необходимость учета культурного фактора при переводе. Одним из подобных явлений может считаться такая стилистическая фигура, как **фрон**. Отметим, что данный термин на современном этапе развития переводческой науки не имеет прочного места и системного определения. Е.С. Петрова понимает под **фроном** выражение, «коммуникативный смысл которого противоположен значению, выводимому из поверхностной структуры» [5, с. 213]. Наличие фронтов, по-видимому, характерно для любой

лингвокультуры, в то же время их адекватный перевод с одного языка на другой требует знания определенного культурного фона обоих народов.

Автор, во-первых, выделяет случаи с нарушением условия искренности, например, *We must have lunch sometime = We don't particularly want to meet again*. Кроме того, к фронам можно отнести амбивалентные высказывания, одна из допустимых трактовок которых могла быть неинтенциональной с точки зрения говорящего. Ср., *Thank you for sending your book ≈ I shall lose no time in reading it*. В качестве хрестоматийного примера фрона Е.С. Петрова называет юмористический ответ на какое-либо предложение – *Pigs might fly*. Также можно привести примеры и русских фронтов: *Когда рак на горе*

свистнет / После дождичка в четверг = Никогда.

В данной связи хотелось бы упомянуть о способах хранения культурной информации, в частности культурных коннотациях, под которыми принято понимать устойчивые признаки понятия, выражающие отношение языкового коллектива к факту действительности. Так, например, русский вопрос *Я что, рыжий что ли? = Я что, хуже других?* вызывает у носителей другой культуры вполне объяснимое недоумение, т. к., не зная использованную в данном случае коннотацию, связанную со словом *рыжий*, довольно затруднительно понять смысл всей фразы. Аналогичным образом дело обстоит с пониманием вопроса *Ты что, самый умный? = Зачем ты выделяешься?* Русское прилагательное *умный*, в норме описывающее положительные контексты, в ряде случаев обладает отрицательной культурной коннотацией, которой нет в других лингвокультурах. Иными словами, у неносителей русского языка понимание такого вопроса вызывает трудности. Отметим, что при переводе подобные фразы нуждаются в особом внимании. В задачи переводчика входит, во-первых, передать общий смысл высказывания, во-вторых, попытаться путем компенсации сохранить иронию / недовольство, выраженные говорящим.

К фропам также можно отнести и предложения, построенные на отрицании, типа *I don't believe / I don't think*. Е.С. Петрова называет подобную группу фропов симметричными с точки зрения внутриязыкового перевода. Данные языковые выражения вариативно употребляются как в утвердительной, так и в отрицательной форме. «На определенном этапе один из таких конкурирующих вариантов квалифицируется как ненормативный или относящийся к сниженному регистру речи» [5, с. 215]. Важно отметить, что, сравнив англо-саксонскую и русскую языковые культуры, можно заметить, что в английском языке подобные конструкты предпочтительны в отрицательной форме, в то время как носители русского языка склонны к использованию утвердительного варианта. При

этом происходит смещение сферы действия объекта в сферу действия субъекта. Ср., *I do not think we shall err – Думаю, мы не ошибемся; I do not believe I can convince her – Думаю, мне не удастся ее убедить; I don't suppose he should be ashamed of it – Думаю, ему нечего стыдиться*. Подобное положение вещей можно объяснить тем, что англо-саксонская ментальность характеризуется сдержанностью в суждениях, вежливостью при общении, позитивным мышлением [3].

С переводом отрицательных конструкций тесно связано лексико-грамматическое преобразование – *антонимический перевод*, под которым понимается «комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, отрицательной в утвердительную, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения ИЯ на его антоним в ПЯ» [1, с. 215–216].

К антонимическому переводу прибегают по ряду причин. Во-первых, такая потребность может быть обусловлена отсутствием аналогичной грамматической конструкции в переводящем языке: например, английские придаточные предложения с союзами *until, till, unless, before* (в значении «раньше, прежде»), герундиальный оборот с предлогом *without* и др. переводятся на русский язык при помощи введения отрицательной частицы при глаголе. Ср., *They're just trying to get you out the door before you start plugging diners. – Им лишь важно побыстрее тебя выпроводить, пока ты не начал отстреливать посетителей*.

Во-вторых, необходимость использования антонимического перевода может объясняться лексическими особенностями переводящего языка, а именно использованием симметричных фропов. Иными словами, некоторые фразы одного языка при буквальном переводе на другой звучат неестественно, например, вопрос *Are you ok?* в определенном контексте правильнее будет перевести *Ты не ушибся?* Вопрос *Do you think I have a problem?* лучше перевести как

По-твоему, со мной что-то **не** в порядке / что-то **не** так?

Ряд особенностей употребления отрицания в языках обусловлен культурным фактором. Так, носители английского языка отказываются от отрицательных конструкций, заменяя их на положительные утверждения, даже для выражения негативной мысли, напр., *Vehicles parked here are left entirely at owner's risk* (букв. *Припаркованные автомобили оставлены на риск владельца*) – ср. рус. *Машины не парковать*; *We believe, though, that in dealing with such matters, the use of military force should be avoided.*

Носители русского языка часто для описания положительных действий используют **множественное отрицание** (*не могу не заметить, невозможно не восхищаться, никто не сомневается*), в задачу которого входит создание дополнительной экспрессии. В английском языке множественное отрицание может встречаться лишь в виде стилистически фигуры – литоты (*not underpaid, not indecisive*) и не в целях усиления экспрессии, а для смягчения категоричности авторской оценки.

Некоторые исследователи интерпретируют процесс негации как вид модификации рамочного смысла во внутриязыковой деривации. И.Г. Разина приводит пример перевода высказывания *Игроки застыли, глядя в карты* – *Motionless, the players gazed at the cards*, в котором «предикаты *застыли / motionless* находятся не только в транспозитивных отношениях, но и в модификационных на формальном, поверхностно-грамматическом уровне, т. к. суффикс *-less* является отрицательным» [7, с. 72].

К модификационным деривационным преобразованиям можно отнести также изменение модального смысла, в частности использование при переводе предикатов, по-разному интерпретирующих действительность, напр., *She's not much of a drinker* – *Она не много пьет*; *He's not much of a talker* – *Он не очень разговорчив / он мало говорит / он в основном молчит*. В

подобном случае происходит компенсация различий на поверхностно-семантическом уровне через лексическое значение единиц, и таким образом достигается эквивалентность на уровне референции. Отметим, что данные преобразования при переводе обусловлены именно разным осмыслением ситуации в различных лингвокультурах.

Е.С. Петрова выделяет особую группу фродов сложной структуры, к которой относятся грамматические конструкции, где первая часть, смягчающая коммуникативное намерение говорящего, «вступает в коммуникативное противоречие со второй частью, в которой совершается именно то речевое действие, от которого говорящий эксплицитно отмежевался, поскольку оно ущемляет лицо собеседника или третьей стороны – критика, выражение несогласия, неуважительного отношения и т. п.» [5, с. 216]. Например, *First of all, far be it from me to disagree with the great foreign policy thinker, Sinbad, but actually...; ...and far be it from me to conflict with the New York Times*... Отметим, что при переводе на другой язык подобные конструкции требуют особого внимания, а возможные варианты в значительной степени зависят от языковой культуры языка перевода.

Говоря о стилистических аспектах перевода с опорой на культурный фактор, нельзя не упомянуть о фонетических стилистических средствах, которые особо частотны в современном массмедиальном и политическом дискурсе.

Рассмотрим фонетические средства русского языка, используемые в стилистических целях. В древнерусском языке эта функция выполнялась за счет использования **ритма**, на смену которому пришла **рифма**. В настоящее время именно на основе рифмы реализуется коммуникативная установка на убеждение, например в рекламных слоганах: *Skittles: Не кисни – на радуге зависни! Квас не Кола, пей Николу*. Кроме того, в современном русском медиадискурсе распространен **рифмюид** – *Есть идея. Есть IKEA; Чистота – чисто Тайд*.

В германских языках частотна языковая игра, в т. ч. каламбуры различного типа.

В.З. Санников предлагает подробную классификацию каламбуров, включающую как семантические типы, так и типы, образованные по формальному принципу [8].

Семантические каламбуры находят широкое распространение в современной немецкой художественной литературе [6]. В качестве примера формального приема создания каламбура можно привести обыгрывание омофонов в объявлении-слогане австрийского ресторана Nordsee, в альпийском городе: *Meer frische Luft. Ihre NORDSEE ist rauchfrei. Danke* (досл. *Больше свежего воздуха. В Вашем Нордзее не курят. Спасибо*). В данном случае каламбур основан на одинаковом звучании слов *Meer* (море) и *mehr* (больше). Очевидно что, используя для выражения сравнительной степени написание омофона *Meer* на ярком голубом фоне, авторы хотели вызвать у посетителей ресторана, расположенного далеко от морского побережья, ассоциации, связанные с морем, морским бризом, приятной атмосферой, что, в свою очередь, должно вызвать желание отказаться от курения. Отметим, что выражение благодарности в конце объявления также положительно сказывается на отношении прочитавшего его гостя к хозяевам / управляющим ресторана и, в результате, на общей атмосфере заведения. Заметим, что в русской лингвокультуре вежливость подобного рода объявлениям в целом не свойственна, однако также стала проявляться под влиянием глобализации.

При переводе важно найти стилистические средства, выполняющие сходную установку и создающие сходный стилистический эффект в языке перевода, по возможности средствами того же уровня. Так, рифму в русском языке можно передать при помощи аллитерации, ассонанса, консонанса, характерных для английского языка. Отметим, что в ряде случаев экспрессивностью на фонетическом уровне переводчик вынужден пренебречь.

Перейдем к рассмотрению еще одного аспекта, при переводе которого необходимо обращать внимание на культурную составляющую, а именно – синтаксических структур.

Так, русской лингвокультуре свойственно выражение повышенной экспрессивности различными *риторическими структурами* и *псевдovoпросами*. Вопросы, ответы на которые заранее известны, используются для усиления выразительности (*Я что хотел бы сказать? Что мы собираемся и хотим жить в мире со всеми* – ср., *I would like to say that we want to live in peace with everyone*), смягчения подразумеваемого отрицания (*...мнение коллег, которые считают: а где же тогда стимулы для проведения политики энергоэффективности и снижения соответствующих затрат? Не будет стимула, как они считают, для того чтобы проводить политику энергоэффективности*), выражения просьбы или пожелания (*У меня просьба: может быть, по этому отдельному вопросу как-то отработать, провести совещание под Вашим руководством или в рамках Правительства?*).

Особый тип вопроса выделяет В.З. Санников, называя его «*Пушкин-вопрос*» – фразы типа *А уроки за тебя отец делать будет?*, часто принимающие форму *А уроки за тебя Пушкин делать будет?* Такие предложения выражают удивление или возмущение говорящего и одновременно требование действия со стороны адресата [8, с. 441], ср., *Вы до инаугурации хотите продолжать работать премьер-министром или все-таки переедете в Кремль до 7 мая? – ...А кто же работать будет? Я на мостике отстою до конца*.

Заметим, что английская экспрессивность может получать выражение другими средствами, например в интонационном рисунке фразы, что отражается в большей ширине английской тонограммы по сравнению с русской. Подобные псевдovoпросы несут яркую стилистическую окраску и в рамках строго регламентированного общения используются редко, при переводе перечисленных русских конструкций на другие языки обычно снижается уровень экспрессивности и используются повествовательные стилистически нейтральные предложения, ср. *Как тебе не стыдно?* – англ. *Shame on you*; нем. *Schäm dich*; ит. *Vergognati* (досл. *Стыдись*).

Важно заметить, что, объясняя особенности передачи синтаксических или иных конструкций на другом языке, можно поддаться искушению толковать их только с опорой на этнокультурные особенности (что ни в коем случае не может считаться корректным). Рассмотрим в качестве примера русские *безличные предложения*. Частотность таких структур в русском языке принято объяснять фатализмом и нерациональностью, якобы присущих русскому характеру. Данная точка зрения на специфику русского языка широко распространена благодаря работам Анны Вежбицкой. Автор отмечает, что русская грамматика изобилует конструкциями, в которых реальный мир предстает как противопоставленный желаниям и волевым устремлениям человека или как по крайней мере независимый от них [2]. Действительно, в русском языке распространены конструкции типа *Холодает, В комнате темно, Мне грустно, Мне не спится* [9]. Однако утверждение о фатализме как качестве русского национального характера и «пассивности» русского языка представляется несколько категоричным.

Во-первых, авторы, приписывающие русским веру в судьбу и случай, не подтверждают выводы статистическими исследованиями, тогда как результаты социологических опросов говорят об обратном. Исходя из концепции А. Вежбицкой, можно предположить, что англичане употребляют меньше безличных конструкций, чем русские, потому что им менее свойственен фатализм. Однако, согласно исследованиям, в России в судьбу верят 35 % населения, в Англии же – 68 %, т. е. почти в два раза больше. Таким образом, можно сде-

лать вывод, что распространенность русских безличных конструкций по сравнению с их употреблением в английском языке не имеет отношения к вере в судьбу или рациональному мировоззрению.

Во-вторых, наличие безличных конструкций вряд ли можно считать типично русским феноменом. Так, В.В. Виноградов отмечал расширение сферы безличности в украинском языке, а Г. Вагнер – в ирландском. В начале XX века некоторые западные ученые отмечали якобы присущий европейским языкам «активизм» (интенсивное употребление действительного залога, отражающее, по их мнению, активную жизненную позицию), в то время как славянским языкам приписывалась склонность к пассиву [4, с. 213]. Тем не менее во многих европейских языках также довольно частотны безличные конструкции, ср. немецкую форму безличного пассива *Es wird sonntags nicht gearbeitet* – *По воскресеньям не работают*.

Иными словами, признавая вероятную связь частотности данного явления в русском языке с особенностями так называемого национального характера, хотелось бы отметить, что адекватный перевод пассивных предложений и безличных конструкций с русского языка на английский во многом зависит от контекста, типа дискурса, гендерной принадлежности говорящего и других факторов.

Таким образом, многие ученые подчеркивают связь между языковыми единицами различного уровня и культурными явлениями. В данной работе мы рассмотрели стилистические и синтаксические аспекты, скрывающие культурные явления другого народа и требующие учета этой культуры при переводе на другой язык.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975. 240 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур: учеб. пособие. М., 2005. 192 с.
4. Зарецкий Е.В. О русском фатализме в грамматике // Науч.-культуролог. журн. 2007. № 12 [157]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2030&level1=main&level2=articles>.

5. Петрова Е.С. К типологии внутриязыкового перевода: о тропах и фropaх // Проблемы современного переводоведения: сб. ст. в честь 60-летия проф. В.И. Шадрина. СПб., 2011. С. 209–217.
6. Полевщикова А.С. Языковая игра в романе А. Мюшга «Der Rote Ritter. Eine Geschichte von Parzival» (1993) (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 154 с.
7. Разина И.Г. Перевод как процесс межъязыковой деривации // Язык и культура. Томск, 2008. С. 66–77.
8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. 547 с.
9. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М., 1999. 222 с.

References

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and Translation. Problems of General and Specific Theory of Translation]. Moscow, 1975. 240 p.
2. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.
3. Visson L. *Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur* [Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of Two Cultures]. Moscow, 2005. 192 p.
4. Zaretskiy E.V. O russkom fatalizme v grammatike [On the Russian Fatalism in Grammar]. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal*, 2007, no. 12 [157]. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2030&level1=main&level2=articles>.
5. Petrova E.S. K tipologii vnutriyazykovogo perevoda: o tropakh i fropakh [On the Typology of Intralingual Translation: Tropes and Phropes]. *Problemy sovremennogo perevodovedeniya: sb. st. v chest' 60-letiya prof. V.I. Shadrina* [Problems of Contemporary Translation Studies: collected articles in honour of the 60th birthday anniversary of prof. V.I. Shadrin]. St. Petersburg, 2011, pp. 209–217.
6. Polevshchikova A.S. *Yazykovaya igra v romane A. Mushga "Der Rote Ritter. Eine Geschichte von Parzival" (1993) (na materiale nemetskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Language-Game in A. Muschg's Novel "Der Rote Ritter. Eine Geschichte von Parzival" (1993) (Based on the German Language Material): Cand. Phil. Sci. Diss.]. Moscow, 2011. 154 p.
7. Razina I.G. *Perevod kak protsess mezh'yazykovoy derivatsii* [Translation as the Process of Interlingual Derivation]. *Yazyk i kul'tura*. Tomsk, 2008, pp. 66–77.
8. Sannikov V.Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of a Language-Game]. Moscow, 2002. 547 p.
9. Suleymanova O.A. *Problemy russkogo sintaksisa: Semantika bezlichnykh predlozheniy* [Problems of Russian Syntax: Semantics of Impersonal Sentences]. Moscow, 1999. 222 p.

Lyagushkina Nataliya Vladimirovna

Institute of Foreign Languages,
Moscow City Teacher Training University (Moscow, Russia)

CULTURAL FACTOR IN TRANSLATION: SYNTACTICAL AND STYLISTIC ASPECTS

The article deals with peculiarities of how to translate some syntactical structures and stylistic units. Most emphasis is made on cultural factor as the basis of translation.

Keywords: *cultural factor, phrope, antonymous translation, rhythm, rhyme, pun, pseudoquestions, impersonal sentences.*

Контактная информация:

адрес: 105064, Москва, Малый Казённый переулок, д. 5 Б;

e-mail: nwl2002@gmail.com

Рецензент – *Поликарпов А.М.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова